ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

С. Ю. БОРОДАЙ

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ В ПОСТРЕЛЯТИВИЗМ

ООО «Садра» Издательский Дом ЯСК

Москва 2019

УДК 16
ББК 87.22
Б83

Книга издана при содействии Фонда Ибн Сины

Утверждено к печати решением
Ученого совета Института философии РАН

Ответственные редакторы:
доктор философских наук, академик РАН В. А. Лекторский
доктор философских наук, академик РАН А. В. Смирнов

Рецензенты:
доктор философских наук Е. О. Труфанова
доктор филологических наук М. А. Кронгауз

Бородай С. Ю.

Б83 Язык и познание: Введение в пострелятивизм / С. Ю. Бородай; отв. ред. В. А. Лекторский, А. В. Смирнов. — М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 800 с.

ISBN 978-5-906859-62-4

В книге рассматривается вопрос о воздействии структуры языка на познавательные способности его носителей, или проблема лингвистической относительности. В первом разделе представлен подробный анализ развития релятивистских идей с конца XVIII в. по 1990-е гг. Во втором разделе рассматриваются компаративные исследования 1990–2010-х гг., посвященные пространственной семантике, концептуализации времени, цветообозначениям и другим эмпирическим и теоретическим проблемам, связанным с тем, что можно охарактеризовать как неорелятивистское направление в психолингвистике и когнитивной антропологии. В третьем разделе представлена новая модель взаимосвязи структуры языка и когнитивных процессов, названная автором пострелятивизмом; также намечена программа будущих пострелятивистских исследований. На обширном материале (около 250 языков и несколько сотен эмпирических исследований) демонстрируется, что язык в режиме реального времени вовлечен в работу многих познавательных механизмов, и это отражается на характере когнитивного стиля его носителей.

УДК 16
ББК 87.22

ISBN 978-5-906859-62-4

© С. Ю. Бородай, 2020
© Институт философии РАН, 2020
© Фонд Ибн Сины, 2020
© ООО Садра, 2020
© Издательский Дом ЯСК, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю 7
Введение 9

Раздел 1. Ранние теории

Глава 1. Немецкая лингвофилософия 21
§ 1.1. Онтологический контекст 21
§ 1.2. Ранний период 22
§ 1.3. Вильгельм фон Гумбольдт и его последователи 26
§ 1.4. Лео Вайсгербер и неогумбольдтианство 35
§ 1.5. Выводы 41

Глава 2. Американский структурализм 43
§ 2.1. Предпосылки развития релятивистских идей 43
§ 2.2. Франц Боас 45
§ 2.3. Эдвард Сепир: ранний период творчества 54
§ 2.4. Поздние релятивистские идеи Сепира 62

Глава 3. Бенджамин Уорф: жизнь и творчество 70
§ 3.1. Биография 70
§ 3.2. Природа языка 78
§ 3.3. Внутриязыковая категориальная организация 86
§ 3.4. Лингвоспецифичная сегментация опыта 92
§ 3.5. Конфигурационная лингвистика в контексте языковедческой традиции 98
§ 3.6. Отношение норм поведения и мышления к языку 101
§ 3.7. Лингвистика, логика и наука 115
§ 3.8. Этнолингвистика 134
§ 3.9. Теоретическая модель Уорфа: реконструкция 145

Глава 4. Развитие релятивистских и структуралистских идей в 1950–1990-е гг. 159
§ 4.1. Ранние исследования 159
§ 4.2. Экспериментальная проверка «гипотезы Сепира-Уорфа» в 1950–1980-е гг. 165
§ 4.3. Критические работы 175
§ 4.4. Лингвистическая антропология 193
§ 4.5. Становление неорелятивизма 202
§ 4.6. От Гамана к Левинсону: краткий анализ 211

Раздел 2. Неорелятивизм

Глава 5. Концептуализация пространства 225
§ 5.1. Системы ориентации 227
§ 5.2. Аборигены гуугу йимитир. 233
§ 5.3. Индейцы цельталь 242
§ 5.4. Масштабные компаративные проекты 248
§ 5.5. Тонганцы 254
§ 5.6. Балийцы и другие народы 261
§ 5.7. Дейктические жесты 267
§ 5.8. Усвоение систем ориентации 270
§ 5.9. Нейронные корреляты 276
§ 5.10. Интерпретация полученных результатов 277
§ 5.11. Выводы и перспективы. 285
§ 5.12. Дополнение: многообразие систем ориентации 286

Глава 6. Цветообозначения и восприятие. 297
§ 6.1. Универсализм в семантике 298
§ 6.2. Релятивизм в семантике 300
§ 6.3. Категориальное восприятие 303
§ 6.4. Восприятие цвета и усвоение языка 307
§ 6.5. Выводы и перспективы 308

Глава 7. Другие категории 310
§ 7.1. Время 310
§ 7.2. Путь и манера движения. 319
§ 7.3. Аспект. 329
§ 7.4. Классификаторы 334
§ 7.5. Именные классы 343
§ 7.6. Числительные 346
§ 7.7. Топологические отношения 356
§ 7.8. Агенс и пациенс. 361
§ 7.9. Эвиденциальность. 364
§ 7.10. Условные конструкции 366

Глава 8. Теоретический контекст 368
§ 8.1. Интеграция результатов: модели лингвистической относительности 368
§ 8.2. Место языка в когнитивной архитектуре: обзор теорий 374
§ 8.3. Усвоение языка и реструктурирование когнитивности. 383
§ 8.4. Билингвизм 389
§ 8.5. Нейрофизиология и нейропластичность. 393
§ 8.6. Когнитивная антропология 396

§ 8.7. Резюме: эмпирические и теоретические достижения неорелятивизма . . . 399

Раздел 3. Пострелятивизм

Глава 9. Трансформирующая функция языка . . . 409
§ 9.1. Глухие от рождения и хомсайнеры . . . 409
§ 9.2. Репрезентативные и процессуальные инновации . . . 411
§ 9.3. Резюме: преимущества вербального разума . . . 417

Глава 10. Языковая система: грани лингвоспецифичности . . . 419
§ 10.1. Семантическая структура . . . 419
§ 10.2. Внутренняя форма . . . 426
§ 10.3. Радикальная грамматика конструкций . . . 445
§ 10.4. Резюме: язык в пострелятивистской парадигме . . . 453

Глава 11. Значение, симуляция и концептуальная система . . . 458
§ 11.1. Спектр подходов к семантическим репрезентациям . . . 460
§ 11.2. Конкретные значения . . . 468
§ 11.3. Метафорические значения . . . 477
§ 11.4. Фиктивное движение . . . 485
§ 11.5. Грамматические значения . . . 491
§ 11.6. Интегральный объяснительный механизм: перцептивные символы . . . 498
§ 11.7. Субъективное измерение: ментальная модель . . . 503
§ 11.8. Выводы . . . 508

Глава 12. Вовлеченность языка в «невербальную» когнитивность . . . 510
§ 12.1. Обратная связь сигнификата . . . 510
§ 12.2. Фонологическая петля . . . 514
§ 12.3. Внутренняя речь . . . 518
§ 12.4. Резюме: вербальное в «невербальном» . . . 529

Глава 13. Лингвоспецифичность отдельных процессов . . . 530
§ 13.1. Механизм категоризации . . . 530
§ 13.2. Последствия лексикализации и грамматикализации . . . 534
§ 13.3. Конструирование ментальной модели . . . 540
§ 13.4. Структура языка и когнитивные системы . . . 552
§ 13.5. Резюме: проявления лингвоспецифичности . . . 562

Глава 14. Место языка в когнитивной архитектуре . . . 566
§ 14.1. Основные положения . . . 566
§ 14.2. Эскиз интегральной модели . . . 571

§ 14.3. Семантическое и концептуальное 580
§ 14.4. Перевод, понимание и коммуникация. 587
§ 14.5. Пострелятивистский исследовательский проект 594
§ 14.6. Актуальность для философии 601

Глава 15. Пострелятивизм и языковое многообразие 607
§ 15.1. Полисинтетизм и инкорпорация 609
§ 15.2. Эвиденциальность 619
§ 15.3. Время и темпоральная дистанция 623
§ 15.4. Субстантивное время 627
§ 15.5. Дейксис 630
§ 15.6. Именные классы 632
§ 15.7. Классификаторы 636
§ 15.8. Другие категории и системы 639

Заключение. 642

Приложение 1. Об индоевропейском мировидении 645
Приложение 2. Language and cognition: a post-relativist research program 683
Список сокращений 716
Список использованной литературы. 720
Указатель имен. 781
Указатель языков 787
Указатель терминов 793

К ЧИТАТЕЛЮ

Идея подготовить курс лекций по проблеме взаимосвязи структуры языка и когнитивных способностей родилась у меня осенью 2011 г. после прочтения известной статьи Б. Уорфа «Отношение норм поведения и мышления к языку». Эта статья поразила меня, поскольку в ней было представлено принципиально иное видение действительности, характерное, по мнению Уорфа, для индейцев хопи; я также обнаружил, что подход Уорфа был более строгим и основательным, чем это обычно излагалось в академических статьях о «гипотезе лингвистической относительности». В первой половине 2012 г. я ознакомился с фундаментальными монографиями и обзорами по указанной проблематике. Из них стоит выделить монографию С. Левинсона «Пространство в языке и познании», которая во всех отношениях является революционной. Летом 2012 г. мной был подготовлен план лекционного курса по проблеме лингвистической относительности, однако мне не удалось договориться о его чтении в РГГУ или ВШЭ. Осенью 2012 – зимой 2013 г. я продолжил углубляться в эту тему. В итоге весной 2013 г. было принято решение подготовить книгу (с опорой на лекционные заметки). Основу книги в ее нынешнем варианте составили главы, написанные в 2012–2014 гг. Я вернулся к этой теме в 2017 г., когда появилась возможность опубликовать имеющиеся наброски. В 2017 г. было написано еще несколько глав, а также существенно отредактирован текст глав, писавшихся ранее.

Особую благодарность хотелось бы выразить следующим людям из академического сообщества, без которых эта книга не могла бы состояться. Прежде всего, это мой научный руководитель, доктор филологических наук Илья Сергеевич Якубович, который привил мне интерес к лингвистике в целом и к индоевропеистике в частности, а кроме того, оказывал поддержку во всей моей научной деятельности. Я также благодарен докторам филологических наук Екатерине Владимировне Рахилиной и Владимиру Александровичу Плунгяну за то, что они проявили интерес к моим первым лекционным наброскам и подтвердили важность и необходимость дальнейшего развития этой темы. Я признателен доктору философских наук Андрею Вадимовичу Смирнову за то, что он всячески поддерживал меня на поздних этапах работы над книгой и давал ценные советы; без его участия эта книга, вероятно, не была бы завершена. Отдельные главы книги были прочитаны и другими моими коллегами, которым я благодарен за полезные замечания и наблюдения. Разумеется, эта книга не могла бы быть написана без любви и поддержки со стороны моей жены, моих родителей и брата.

С. Ю. Бородай
28.11.2018

ВВЕДЕНИЕ

«Как раз собственное существо языка — то, что язык озабочен только самим собой, — никому не ведомо»

Новалис

Австралийские аборигены гуугу йимитир ориентируются по сторонам света: вместо того чтобы сказать «Человек стоит *слева* от дерева», они говорят «Человек стоит *к востоку* от дерева» или «Человек стоит *к северу* от дерева». Такая система требует постоянного и бессознательного умения определять направление сторон света и свое расположение относительно них, поэтому аборигены обладают прекрасными способностями к ориентированию на местности, которые превосходят даже способности специально обученных почтовых голубей. Мы не знаем, как аборигены гуугу йимитир представляют себе течение времени, однако известно, что австралийские аборигены куук тайоре, у которых имеется сходная система пространственной ориентации, мыслят время как движущееся с востока на запад. Эта метафора отличается от той, что распространена в европейских языках: носители английского языка, например, склонны считать, что будущее находится впереди, а прошлое — позади. В этой модели учитывается положение человека, поскольку проекция будущего и прошлого зависит от положения тела, и известно, что в процессе представления будущих или прошлых событий англичане бессознательно наклоняются вперед или назад соответственно. С ними готовы поспорить южноамериканские индейцы аймара, которые, напротив, полагают, что впереди находится прошлое, а позади — будущее, хотя их объединяет с англичанами то, что и в этой модели учитывается положение говорящего. Совсем иначе обстоит дело у папуасов юпно, которые связывают течение времени с главным холмом: время течет по холму, так что прошлое находится внизу холма, а будущее — наверху, и положение говорящего не имеет значения. Приведенные примеры характеризуются тремя общими чертами: во-первых, они касаются фундаментальных категорий человеческого опыта — пространства и времени; во-вторых, они свидетельствуют о принципиальных когнитивных различиях между представителями разных культур; в-третьих, во всех случаях имеются основания считать, что определяющим фактором в формировании различий является *язык*.

Данная книга посвящена осмыслению исследований в лингвистике, когнитологии, антропологии и нейронауке, которые позволяют пролить свет на место языка в когнитивной архитектуре. В центре нашего внимания находится *идея лингвистической относительности*: представление о том, что структура родного языка

влияет на мышление, восприятие, память и другие когнитивные способности, и это ведет к полной или частичной несоизмеримости когнитивных стилей и картин мира носителей разных языков. Принцип лингвистической относительности был впервые сформулирован на профессиональном лингвистическом и антропологическом уровне в рамках американского структурализма, что связано с углубленным изучением америндских языков, обладающих целым рядом особенностей в сравнении с индоевропейскими языками. Ключевую роль сыграло появление компаративных работ Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа в 1930-е гг. С этого периода принцип лингвистической относительности, или «гипотеза Сепира-Уорфа», активно изучается языковедами и психологами, но, надо сказать, с переменным успехом. Исследования достигают кульминации в 1990–2010-е гг., когда лингвистическая относительность, по сути, трансформируется в масштабный антропологический проект, который посредством сравнительного анализа представителей разных культур призван определить подлинное место языка в структуре когнитивности. Такая трансформация проблемы лингвистической относительности связана с рядом тенденций в когнитивной науке: конструктивизм, преодоление коммуникативистского взгляда на язык, признание роли телесности и социокультурного опыта в формировании познавательных способностей, ориентация на кросскультурный анализ и др. Она также стала возможна благодаря введению новых приборов и методов для изучения взаимосвязи языка и мышления: компьютерный анализ, айтрекинг, разнообразные датчики движения, магнитно-резонансная томография (МРТ), функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ), электроэнцефалография (ЭЭГ), неинвазивная стимуляция мозга и др. С 1990-х гг. количество подвергнутых анализу языковых сообществ выросло в разы, но оно все еще остается ничтожным в сравнении с общим числом народов, существующих на планете. Учитывая тот вызов, который перед малыми социокультурными мирами ставит глобализация, сейчас у нас имеется последний шанс зафиксировать эти миры в аутентичном виде, поэтому крайне необходимо расширение полевых исследований и вовлечение в этот проект молодых ученых.

Книга состоит из трех разделов и двух приложений. В первом разделе представлен довольно подробный анализ развития релятивистских идей с конца XVIII в. по 1990-е гг.: рассмотрены работы И. Г. Гамана, В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, Дж. Хойера, Э. Бенвениста, Д. Хаймса, М. Сильверстейна и других мыслителей; как мы надеемся, удалось показать, что сама формулировка релятивистского принципа сильно зависит от общего психолингвистического контекста и конкретных теорий языка и мышления, так что говорить о единой «гипотезе лингвистической относительности» не представляется возможным. Во втором разделе рассматриваются компаративные исследования 1990–2010-х гг., посвященные пространственной семантике, концептуализации времени, цветообозначениям и другим эмпирическим и теоретическим проблемам, связанным с тем, что можно охарактеризовать как *неорелятивистское направление* в психолингвистике и когнитивной антропологии;

основной вывод состоит в том, что несмотря на впечатляющие результаты неорелятивистов, само это направление имеет ряд недостатков, которые обусловлены его зависимостью от более ранней модели психолингвистических исследований, сформированной в 1950–1960-е гг.; дальнейший прогресс в когнитивно-антропологических исследованиях должен быть связан с переходом от старой модели, построенной в контексте споров об универсальном и относительном, к новой модели, предполагающей изучение языка и когнитивной архитектуры в аутентичных социокультурных условиях их функционирования. Эта новая модель названа нами *пострелятивизмом*, и ее теоретическое наполнение представлено в третьем разделе, о чем более подробно будет сказано ниже. Наконец, к основной части книги также имеется два приложения. Первое из них посвящено праиндоевропейскому мировоззренческому комплексу поэтического ви́дения, который оказал влияние на складывание многочисленных зрительных метафор в индоевропейских языках и на связанные с этими метафорами интеллектуальные практики, в том числе на философствование. Во втором приложении на английском языке резюмируются основные идеи книги и дается развернутая программа пострелятивистских исследований.

Изначально главы книги писались как заготовки лекционного курса по проблеме взаимосвязи языка и мышления. Этим отчасти объясняется их обзорный и вводный характер: первый раздел является полностью историографическим, второй раздел содержит много обзорного материала, а в третьем разделе авторские идеи представлены в основном в связи с анализом конкретных исследовательских направлений. Недостатком подобного изложения является то, что позиция автора не всегда четко сформулирована или вовсе опущена. Однако здесь есть и позитивная сторона: все теоретические утверждения подкреплены широким и разнообразным эмпирическим материалом; кроме того, каждый раздел снабжен подробным заключением, а авторская позиция по основным вопросам резюмирована в Главе 14.

При написании книги мы исходили из того, что ее основными читателями будут лингвисты, философы, когнитологи и гуманитарии широкого профиля. Хотелось бы высказать несколько предварительных соображений, которые помогут лучше понять изложенный материал:

- Проблему взаимосвязи *конкретного* языка (а значит, и *разных* языков) и когнитивных способностей не следует путать с проблемой того, как *факт* усвоения языка вообще влияет на когнитивные способности. Иначе говоря, «традицию Сепира и Уорфа» не нужно смешивать с «традицией Выготского». Данная книга посвящена именно тому, как *разные* языки влияют на когнитивные способности, а проблема трансформирующей функции языка в ней рассмотрена лишь в небольшой Главе 9. Безусловно, эти темы и в теоретическом, и в эмпирическом плане связаны друг с другом, и пострелятивистская парадигма требует учета этой связи, однако для ее всестороннего осмысления еще необходимо время.

- Одним из условий понимания представленного в книге материала является отказ от популярной трактовки «гипотезы лингвистической относительности», в частности от распространенных идей о том, что имеется ее общепринятая интерпретация; о том, что существует ее «сильная версия» и «слабая версия»; о том, что она предполагает абсолютный релятивизм; о том, что она внутренне противоречива; и пр. Лучше забыть обо всем этом и начать изучать проблему с чистого листа. Дело в том, что так называемая «гипотеза лингвистической относительности» является результатом операционализации отдельных аспектов теоретических моделей Сепира и Уорфа, происходившей в 1950–1960-е гг. По подсчетам некоторых исследователей, существует не менее 200 формулировок этой «гипотезы», так что само обращение к указанному понятию запутывает ситуацию.
- «Гипотезу лингвистической относительности» следует отличать от «принципа лингвистической относительности». Последнее понятие действительно встречается в работах Уорфа (у Сепира — «относительность формы мышления»), и оно имеет вполне конкретный смысл в рамках его более общей теоретической модели. Употребляя в этой книге термин «лингвистическая относительность», мы подразумеваем тот смысл, который в это понятие вкладывал Уорф (если не оговорено иное).
- В наиболее широком плане релятивистский тезис означает, что структура конкретного языка оказывает влияние на когнитивные способности его носителей. Понимание этого тезиса зависит от того, как трактовать термины «язык», «когнитивные способности» (в том числе «мышление») и «влияние». Указанную проблему следует рассматривать, с одной стороны, в контексте более общих теоретических воззрений того или иного мыслителя, а с другой стороны, в контексте тех психолингвистических идей, которые были распространены при его жизни. Только такой контекстуальный подход позволяет понять *то, что* каждый раз подразумевается под высказываемой (или опровергаемой) релятивистской идеей. Нередко оказывается так, что внешне сходные высказывания, сделанные в принципиально разных контекстах, имеют различный смысл (и наоборот).
- Часто проблему лингвистической относительности сводят к влиянию лексики языка на когнитивные способности. Среди нелингвистов вообще распространена тенденция сводить язык к лексике. Между тем наиболее интересные релятивистские идеи касаются не лексики, а грамматики, или, по крайней мере, закрытых «грамматичных» классов лексики. Именно на это должно быть обращено внимание.
- Когда рассуждают о влиянии языка на когнитивные способности, то часто имеют в виду потенциал языка («что возможно в языке») и потенциал когнитивности («что может носитель языка или чего он не может»). Более

правильной представляется оценка конкретных моделей использования языка, или конвенционального способа говорения (у Уорфа — *fashion of speaking*), и конкретных особенностей когниции, демонстрируемых не в ситуации эксперимента, а в естественных условиях. Может оказаться, что редкая в типологическом плане категория, наличествующая в языке, почти не используется, а тривиальные категории употребляются таким уникальным образом, что порождают когнитивный эффект.

- Нужно понимать, что полноценная теория, претендующая на объяснение релятивистских эффектов, должна включать описание *психолингвистического механизма*, посредством которого структура языка может оказывать влияние на когнитивные способности. Как представляется, именно отсутствие такового описания (по крайней мере, эксплицитного) у Сепира и Уорфа и породило многолетнюю дискуссию вокруг их идей.
- Принцип лингвистической относительности не стоит смешивать с внешне похожими философскими формулировками, принадлежащими Л. Витгенштейну, М. Хайдеггеру и другим крупным мыслителям. Эти формулировки сделаны в контексте соответствующих масштабных философских систем, и они, как правило, не имеют прямого отношения к релятивистской проблематике. Идея лингвистической относительности является преимущественно *психолингвистической* и *эмпирической*, хотя она и покоится на неявных онтологических основаниях, которые могут быть подвергнуты критике с философских позиций.

Эти соображения могут оказаться полезными для понимания первых двух разделов книги. Что касается третьего раздела, то в нем представлена попытка обрисовать контуры той новой парадигмы в изучении языка и когнитивности, которая может быть сформирована путем интеграции методов и достижений когнитивной антропологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики, нейролингвистики и других научных направлений. Обозначая эту парадигму как *пострелятивистскую*, мы имеем в виду, что необходим уход от старой дискуссии вокруг проблемы релятивизма и от той психолингвистической традиции, в рамках которой эта дискуссия происходила. Пострелятивизм — это призыв к интегральному изучению языка и когнитивности в аутентичных социокультурных условиях. Лишь после появления многочисленных исследований такого типа имеет смысл рассуждать об универсальных и относительных чертах когнитивности и моделях функционирования языка в когнитивности. Разумеется, в этой книге мы не стремимся дать ответы на все существующие вопросы по теме; скорее, *мы хотим правильно поставить вопросы и указать наиболее перспективные направления поиска*.

Пострелятивистская модель может быть наполнена различным содержанием. В свете современных исследований мы полагаем, что наиболее адекватно ее содержательное ядро, касающееся места языка в когнитивной архитектуре, должно формулироваться следующим образом (более подробно см. Главу 14):

- ***Язык является организацией значимых элементов.*** Язык не является автономной, «модулярной» способностью, так что его следует рассматривать в связи с другими когнитивными системами. В самом общем плане он может быть понят как организация, или категоризация, значимых элементов. Поскольку эти элементы являются *значимыми*, то язык должен определяться как структура, обеспечивающая категоризацию концептуальных репрезентаций, отражающих внешний опыт. Природа языка не объяснима чисто формальными характеристиками. То, что принято называть формальной системой, или внутренней формой, находится в зависимости от содержания.

- ***Структура каждого языка уникальна.*** Любой естественный язык характеризуется уникальной дистрибуцией значимых элементов. Полноценное определение какой-либо категории языка предполагает обращение к другим его категориям, а те, в свою очередь, требуют обращения к прочим категориям и т. д. Отсюда следует, что язык в когнитивном плане может быть приблизительно представлен как система взаимных отсылок и перманентных различений (вспомним соссюровское «в языке нет ничего, кроме различий»). Границы внутри такой системы всегда *лингвоспецифичны*. С одной стороны, лингвоспецифичность затрагивает то, как язык взаимодействует с информацией из внешнего опыта, как он оформляет и конструирует смысловую сферу, а с другой стороны, она касается формальных характеристик. К последним относится, например, понятие «слова» и само разделение на морфологию и синтаксис. Лингвоспецифичностью обладает также базовая классификация по частям речи: и границы категорий, и морфологические признаки, и критерии для выделения — все это зависит от строя конкретного языка. Лингвоспецифичность проявляется и в области формальной грамматичности, лексических систем, дискурса и референции. Таким образом, каждый естественный язык уникален практически во всем, что, впрочем, не препятствует существованию типологии.

- ***Концептуальная система является набором перцептивных символов.*** В классическом когнитивизме знание, составляющее основной фонд долговременной памяти и являющееся рабочим материалом для высших когнитивных операций, представлялось амодальным, то есть независимым от сенсомоторных систем. В складывающейся посткогнитивистской парадигме знание, или набор концептуальных репрезентаций, мыслится в тесной связи с сенсомоторной информацией. В наиболее полной современной теории — теории «перцептивных символьных систем» — репрезентация определяется как зафиксированное сенсомоторное состояние, или *перцептивный символ*. Такой символ имеет общий нейронный субстрат с реальным восприятием и воображением, однако паттерны акти-

вации у них нетождественны. Перцептивный символ обладает чертами схематичности и символичности: он отражает лишь каркас ситуации и способен порождать бесконечное число конкретных репрезентаций определенного типа. Организация нескольких символов, или *симулятор*, имеет те же свойства, что и классическая пропозиция. Такая система способна репрезентировать виды и конкретные экземпляры, осуществлять категориальный вывод, формулировать абстрактные концепты и пр. Активация симулятора, или *симуляция*, выглядит на нейронном уровне как возбуждение сенсомоторных регионов через посредство прилегающих к ним «конвергентных зон». Модальностью обладают не только конкретные значения, но и абстрактные — в том числе грамматические и метафорические — концепты.

- ***В субъективном плане симулятор представлен как ментальная модель.*** На субъективном уровне набор перцептивных символов имеет вид *ментальной модели*. В процессе формирования ментальной модели задействуются те же механизмы, что и во время воображения, однако нужно учитывать, что воображение является сознательным и детализированным, в то время как ментальная модель — нерефлексивна и схематична. Субъективный аспект симуляции занимает центральное место в спекулятивных и интроспективных исследованиях когнитивных лингвистов. Он также анализируется в симуляционной семантике. Таким образом, в посткогнитивистской перспективе концепт мыслится как сложный феномен, включающий имагинативную, нейронную, моторную, перцептивную и аффективную составляющую.

- ***Усвоение языка приводит к трансформации когнитивности.*** Язык не является факультативным дополнением к уже готовой когнитивной архитектуре, но принимает участие в формировании архитектуры нового типа. Человек имеет врожденный набор базового знания, который связан с низшим уровнем когнитивности. Низшие системы дают ограниченные способности к категоризации, абстрактному мышлению, счету, кондициональному мышлению, пространственной ориентации и др. В процессе усвоения языка формируется дополнительный уровень интеграции информации и контроля, который позволяет преодолеть ограниченность низших систем. В результате человек приобретает способности к точному счету > 3, пространственной ориентации на основе гетерогенных признаков, метарепрезентации, пониманию чужого сознания, аналогическому мышлению и др.; это дополняется важной процессуальной инновацией — повышением контроля и волевой активности с помощью интериоризированной речи. По-видимому, трансформация заключается не столько в реструктурировании низших систем, сколько в *надстройке* дополнительного и перманентно активного когнитивного уровня.